

Междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии»

Центр индийских исследований ИВ РАН

КОНФЕРЕНЦИЯ ПНЮА-6 «ВЕЩЬ И ПОЛЬЗА»

12–13 октября 2016 г.,

Зал ученых советов ИВ РАН, 3-й этаж

ПРОГРАММА¹

12 октября, начало заседания в 11.00

11.00–11.30 ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОМА ПНЮА-3, ОТЧЕТ О РАБОТЕ НАД ПНЮА-4 И ПНЮА-5	
11.30–12.00 Keynote speech Вахштайн В.С., Московская высшая школа социальных и экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы 12.00–12.10	«Поворот к материальному»: новые философские вызовы социальным наукам. Вопросы и ответы
<i>Единицы хранения</i>	
12.10–12.45. Альбедиль М.Ф.,	Предмет и образ: вещь из Южной Азии в этнографическом музее

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)	
12.45–13.20. Ванина Е.Ю., Институт востоковедения РАН (Москва)	«Тигр Типу» дома и в неволе: транскультурное «переживание» артефакта
13.20–13.55. Глушкова И.П., Институт востоковедения РАН (Москва)	Артефакты условной реальности: музей Динкара Келкара и иллюстрации Мадхури Пурандаре

Перерыв и ланч 13.55–14.40 (комн. 262а)

<i>Маркировки быта</i>	
14.40–15.15. Суворова А.А., Институт востоковедения РАН (Москва)	<i>Дупатта</i> как символ скромности и аксессуар моды
15.15–15.50. Газиева И.А., Российский государственный гуманитарный университет (Москва)	Эстетика и прагматика браслетной культуры в Индии
15.50–16.25. Кузина М.А., Московский государственный педагогический университет	«Чужое» и «свое»: индийский вещизм в языке и быте современной Великобритании
16.25–17.00. Сидорова С.Е., Институт востоковедения РАН (Москва)	Тачка вместо тюрбана: индийские луддиты в английском саду

13 октября, начало заседания в 11.00

Символы веры

11.00–11.35. Вечерина О.П., Федеральный институт медиации (Москва)	Материализация тела Шивы в культовых практиках тамильского бхакти, мировом арт-рынке и поп-культуре
11.35–12.10. Дубянский А.М., Институт стран Азии и Африки МГУ (Москва)	Священный пепел: овестествление шиваитского мифа
12.10–12. 45. Железнова Н.А., Институт востоковедения РАН (Москва)	Материальные репрезентанты бестелесного в дигамбарской традиции джайнизма
12.45–13.20. Демченко М.Б., Российский православный университет им. Св. Иоанна Богослова (Москва)	Игрушки Авадха как воплощение героев «Рамаяны»
13.20–13.55. Марков Д.Е., Институт востоковедения им. А. Крымского НАН Украины (Киев)	Социальная, политическая и религиозная символика камня (<i>dhungo</i>) в традиционном Непале

Перерыв и ланч **14.00–14.45 (комн. 262а)**

Атрибуты власти

14.45–15.20. Ванина Е.Ю., Институт востоковедения РАН (Москва)	Дворцы из ткани: быт, политика и эстетика императорских шатров в Могольской Индии
15.20–15.55. Сидорова С.Е., Институт востоковедения РАН (Москва)	Инструментарий обмеров: по Центральной Индии с компасом, шагомером и секстантом
15.55–16.30. Демичев К.А., Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Нижний Новгород)	Неодушевленные дипломаты: предметы европейского происхождения в контексте англо-сикхских отношений
16.30–17.05. Глушкова И.П., Институт востоковедения РАН (Москва)	«Идеальная карьера» сувенирного альбома из княжеского Дхара

17.05 – Круглый стол «ПНЮА: взлеты и провалы»

**ПНЮА-6: «ВЕЩЬ И ПОЛЬЗА»
ТЕЗИСЫ
12–13 октября 2016**

**Альбедиль М.Ф.,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(Санкт-Петербург)**

**Предмет и образ:
вещь из Южной Азии в этнографическом музее**

На одной из экспозиций Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН выставлены предметы, демонстрирующие разные стороны традиционной индийской культуры, в которой вещный мир всегда играл весьма значительную роль. Как правило, мы ее недооцениваем, поскольку подобный статус вещей далек от нашего современного восприятия. Между тем, знаковые средства культуры вещи имели свой, довольно сложный семиотический язык, служивший для выражения тех понятий и ценностей, которые было сложно

или даже невозможно адекватно выразить в других кодах, на других «языках».

Экспозицию этнографического музея можно определить как особое пространство, в котором выставлены артефакты, изъятые из привычной среды бытования (культуры создателей) и получившие новую знаковую ценность в рамках культуры собирателей. Каждая вещь или собрание вещей включает в себе символическое послание. Музей – это собрание ценностей, и все, что попадает в его пространство, «заражается» им и маркируется как ценность.

При этом двумя специфическими взаимозависимыми компонентами оказываются музейный предмет и музейный образ. Музейный предмет часто и сам является овеществленным образом, но для посетителя он остается немым. Для того чтобы он ожил и заговорил, необходима его продуманная и иерархически выстроенная интерпретация. Она и становится той «оптикой», через которую посетитель смотрит на вещь другой культуры, воспринимает ее образ, усваивает некую информацию и присваивает ее себе. Эта оптика определяется характеристиками артефакта, во-первых, как предмета традиционной

культуры (название; мастер, изготовивший его; материал, из которого он изготовлен; технология; место и время создания и т.п.) и вторых, как музейного экспоната. Прочтение смысла последнего зависит и от возможностей посетителя: эффективность коммуникации определяется обеими сторонами. Даже идеально выстроенное пространство экспозиции может остаться невостребованным посетителем, и тогда музей останется для него полем мертвых смыслов.

Стоит специально отметить, что музей прекрасно вписывается в каноны преобладающей ныне экранной культуры: визуальный способ восприятия информации, заложенный в вещах, является и традиционным, и наиболее эффективным.

Сообщение посвящено жизни вещей традиционной культуры в музейной экспозиции.

Ванина Е.Ю.,

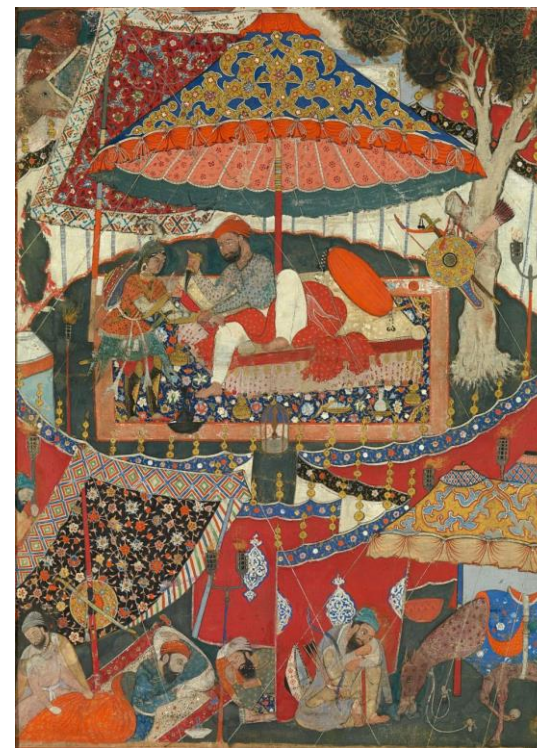
Институт востоковедения РАН (Москва)

Дворцы из ткани: быт, политика и эстетика императорских шатров в Могольской Индии

Почти вся жизнь могольских императоров, от первых до последних мгновений, была связана с шатрами, палатками, тентами и иными обиталищами из ткани. Причинами являлись особенности индийского климата, кочевые традиции тюрко-монгольских предков и, самое главное, характер государственности, требовавший от правителя постоянного перемещения по подвластной территории. В придворном быту использовались шатры и палатки двух основных видов: стационарные (установленные в шахских резиденциях, они формально дополняли и расширяли дворцовые покои, а на самом деле служили главными помещениями, в которых проходила частная и публичная жизнь Моголов) и переносные (перевозимые в разобранном виде и транспортируемые готовыми на специальных повозках). Царский шатер являлся «заместителем» дворца, а весь палаточный лагерь императорского марша – подвижной копией столицы, что подчиняло их особым функциональным, логистическим и эстетическим правилам. «Палаточный стиль» падишахов активно копировали придворные и иные представители мусульманской и индусской элиты. Источниками для исследования служат тексты (прежде всего – «энциклопедия дворцового хозяйства» из «Аин-и Акбари», свидетельства европейских путешественников, посещавших могольский двор и сопровождавших падишахов в походах), а также миниатюры, предоставляющие богатейший визуальный материал о полотняных дворцах правителей.

Ванина Е.Ю.,

Институт востоковедения РАН (Москва)

«Тигр Типу» дома и в неволе: транскультурное «переживание» артефакта

Одним из популярнейших экспонатов лондонского музея Виктории и Альберта является «Тигр Типу». Эта заводная игрушка-автомат изображает почти в натуральную величину тигра, терзающего человека в шляпе и чем-то похожем на английский военный мундир. Она была создана ок. 1795 г. для правителя Майсура Типу Султана, прославившегося своей борьбой против английских колонизаторов, местными мастерами при возможном участии французских механиков. В боковой части фигуры тигра находится небольшой, ныне выведенный из строя, орган, с помощью которого игрушка издавала звуки: тигриное рычание и человеческий крик. После гибели Типу и захвата его столицы английскими войсками в 1799 г. «тигр Типу» был отправлен в Лондон с намерением поместить его в коллекцию военных трофеев в Тауэр, но оказался сначала в хранилище английской Ост-Индской компании, затем побывал в ряде музеев и наконец обрел постоянное пристанище в музее Виктории и Альберта. В докладе будут рассмотрены политико-символические и психологические функции «тигра Типу» как во дворце Типу Султана, так и в музее, где он, по Ж. Бодрийяру, «переглядывается» с иными предметами из дворца Типу и специальной английской медалью «За взятие Серингапатама», изображавшей льва, перегрызающего глотку тигру.

**Вечерина О.П.,
Федеральный институт медиации (Москва)**

Материализация тела Шивы в культовых практиках тамильского бхакти, мировом арт-рынке и поп-культуре

В гимнах наяноров (VI—IX вв.) тело Натараджи сравнивается с самыми лучшими, вкусными, дорогими и красивыми предметами различного происхождения, высоко ценимыми в прагматичном мире людей. Это — спелые фрукты, масло, молоко и мед; морские кораллы и раковины; цветы лотоса и кондрея; серебро и золото; рубины, жемчуг, изумруды. Описание призвано вызвать у адептов особое состояние восторженного томления и неудержимого влечения к богу. Яркие описания бхактами облика Шивы привели к радикальному переосмыслению культа, главными элементами которого стал обмен материальных даров — вкусной пищи, цветов, и тех же серебра, золота и драгоценных камней, подносимых адептами, — на *даршан* (*darśan*), т.е. лицезрение желанного бога.

При ранних Чолах (X в.) визионерские видения бхактов воплотились в бронзовых статуях-мурти (*mūrti*). Ритуал поклонения включал интенсивное воздействие на статую посредством различных субстанций. *Мурти* надлежало омыwać, умащивать маслом и другими продуктами коровы, а также медом; наряжать и украшать. Только изобильно украшенные статуи являлись объектом религиозного поклонения в храме или во время праздничной процессии. Вне ритуала статуя не представляла ценности, особенно эстетической, и подвергалась «безжалостному» обращению, включая обработку абразивами. Значимость статуе придает только соответствие иконографии и присутствие в ней божественной эманации (*pratiṣṭhā*).

Археологические находки чольской пластики привели к появлению нового раздела в истории искусства средневековой южной Индии. В 1980-х годах чольские статуи впервые появились в западном музейном пространстве, немногочисленным в то время знатокам и зрителям

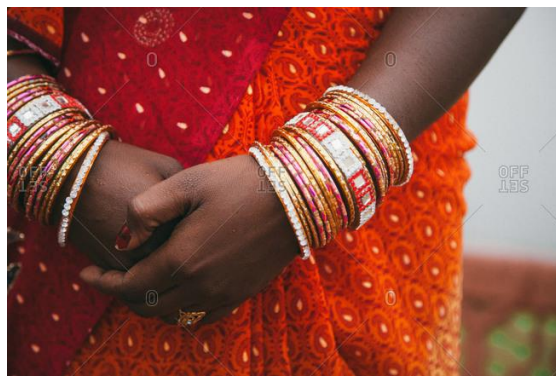
стала очевидна их высокая художественная ценность. Одна за другой последовали триумфальные выставки, что позволило чольской бронзе занять достойное место на мировом художественном рынке, стать одними из самых дорогостоящих предметов индийского искусства. Благодаря финансам частных ценителей, чольская бронза сегодня находится в лучших музеях мира, являясь предметом страстного вожделения коллекционеров.

Сегодня можно говорить и о третьем уровне бытования тела Шивы Натараджи как универсальной метафоры и артефакта массовой культуры. В этом своем качестве он стал одним из самых популярных и тиражируемых символов Индии. В известной статуе Натараджи — даре правительства Индии, в 2004 г. установленной в Европейском центре ядерных исследований (CERN) в Швейцарии, по мнению дарителей, «метафора космического танца соединяет воедино древнюю мифологию, религиозное искусство и современную физику».

Гагиева И.А.,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Эстетика и прагматика браслетной культуры в Индии

В хинди слово «браслет» характеризуется богатой синонимией, что связано с географическим распространением обозначаемого по всей Южной Азии, хотя ни один из синонимов нельзя назвать «полным», поскольку разные виды изделия создаются в разных региональных

контекстах различными производственными практиками и технологиями и предназначены для удовлетворения широкого спектра эстетических и религиозно-культовых запросов. В Северной Индии понятие «браслет» выражается лексемами *baṅgḍī*, *cūḍī*, *naugarī*, *rahiṅcī*, *kaṅgan*, *gairā*, *bartanā*, *patrī*, *dastband*, *kaḍā* и др., за каждой из которых стоит определенный вид украшения, созданного различными способами из различных материалов (керамика, стекло, пластмасса, дерево, золото, серебро, медь, алюминий, нитки и т.д.), своя культурная

история, социальный статус и диапазон нательного использования. Например, материалом для *naugarī* является серебро, а характерной приметой – наращенные шарообразные выступов *gajre* из штампованной листовой стали, которые монтируются к металлической основе, и приверженность к этому виду браслета представителей каст пател(ь) и данги.

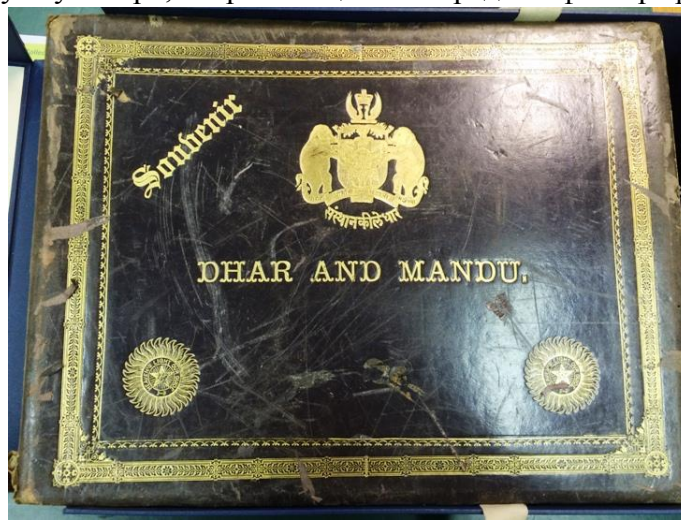
В Северной же Индии находятся самые крупные браслетные производства в стране (в городах Морадабад, «латунный город», и Фирозабад, «город [стеклянных] браслетов», в штате Уттар-Прадеш), основанные на использовании местных технологий, в том числе, изобретенной «отцом фирозабадского стекла» Хаджи Рустам-уладом. Хотя браслетная культура чаще ассоциируется с индусской Индией, производство и продажа этих изделий сосредоточено преимущественно в руках мусульман, что находит отражение и в литературной судьбе браслета. Например, героиня рассказа Рамбрикша Бенипури «Браслетчица Разия» торгует браслетами, предназначенными для стадийных событий в жизненном цикле индусской женщины – замужества, рождения ребенка и т.д. Тем самым браслет превращается не только в источник дохода мусульманки или маркер определенного статуса индуски, но становится материальным эквивалентом социального партнерства.

Адаптировавшись в англоязычном мире как *bangle* (из *baṅgḍī*, первонач. «стекло», теперь «браслет из цветного стекла без застежки») в значении «кольцеобразный браслет» эта вещь из южноазиатского мира обрела международное признание.

**Глушкова И.П.,
Институт востоковедения РАН (Москва)**

«Идеальная карьера» сувенирного альбома из княжеского Дхара

В ноябре 1911 г. вице-король лорд Хардинг (1910–1916) с супругой нанес официальный визит в Дхар, столицу одноименного княжества в Центральной Индии, с последующим посещением Манду, развалин средневекового султаната (XIV–XVI вв.), расположенных в границах политики. Это стало поводом для создания, по распоряжению дхарского махараджи Удаджи-рава Пуара/Павара (пр. 1898–1926), роскошного фотоальбома «Дхар – Манду. Сувенир», открывающегося парадной фотографией самого правителя. Остальные фотографии, за исключением совместных видов «нового» Дхара, запечатлевают Два экземпляра альбома – нескольких снимков – хранятся в библиотеке в Лондоне. Весом не альбомы (83 и 89 фото) вставлены в золотом вытеснены слова «Сувенир» и Изделия состоят из плотных полупрозрачной пергаментной

изображений Хардинга и Пуара и нескольких «живописную историю» обоих мест. практически идентичные за исключением коллекции (India Office) Британской менее 8–10 кг, размером 373 на 500 мм, эти обложки из крашеной кожи, на которой оба топонима, герб и девиз княжества. картонных листов, переложенных бумагой с пояснительной надписью

относительно сюжета каждой последующей фотографии и помечены штампом фотостудии-производителя (Vernon & Co., Photographers & Publishers, Bombay, 1912). Наклейка на внутренней стороне обложки сообщает, что альбомы поступили в библиотечный фонд 27 августа 1958 г. в качестве дара от леди Ридинг, второй жены лорда Ридинга, также вице-короля Индии (1921–1925), а в августе 2016 г. в процессе поиска архивных материалов, имеющих отношение к Дхару, их обнаружила я.

В качестве «вещи», к тому же заимствованной из колониального реквизита, альбом является «культурно сконструированной единицей, наделенной специфическим смыслом», обладающей «социальной биографией» (в терминологии Игоря Копытоффа). Ее реконструкция – с фазы «рождения» (замысла и производства) до «преклонного возраста/смерти» (вплоть до физической изношенности и исчезновения), которая в настоящем эпизоде может пониматься как вывод альбома из соответствующего культурного контекста и/или как его «перерождение» в единицу библиотечного фонда, а также смена собственников и, следовательно, статуса – является задачей настоящего доклада. Эта же задача подразумевает установление диапазона функций данного «материального аргумента» как представительского символа, репозитория памяти, товара, подарка, коллекционного предмета, и, наконец, объекта научных исследований, включенного в проект ПНЮА, что и превращает «карьеру» альбома из давно забытого княжества в «идеальную».

**Глушкова И.П.,
Институт востоковедения РАН (Москва)**

Артефакты условной реальности: музей Динкара Келкара и иллюстрации Мадхури Пурандаре

Знаменитый музей (Raja Dinkar Kelkar Museum) в г. Пуне (Махараштра) был основан неутомимым собирателем д-ром Динкаром Келкаром (1896–1990), посвящен памяти единственного сына – Раджи и передан в дар Департаменту археологии правительства Махараштры. Основу его коллекции составляет изящная утварь, датируемая преимущественно XVIII и XIX вв.: скребки для пяток (*vajrī*), чернильницы (*daut*), щипцы для колки орехов (*aḍkittā*), светильники (*divā*) и другие предметы повседневности. Прежде чем обрести статус музейных экспонатов в условной реальности эти вещи были изъяты из своего естественного контекста и отчуждены от людей, что означало утрату ими практической ценности и обретение символической – как знаков ушедшей эпохи. Со временем, вследствие выпадения из процесса воспроизводства и благодаря высоким эстетическим качествам, они обрели и монетарную стоимость, существенно превысившую их цену в период их «полезной жизни». Тем самым они превратились в «теплые»

(по Жану Бодрийяру), т.е. получившие статус антиквариата артефакты, на смену которым пришла лишенная индивидуальности массовая продукция, что отразилось даже в вытеснении их «теплых» названий: например, *vajrī* заменилось «холодным» и утилитарным foot-scrubber.

Литературная продукция лауреата Литературной академии Индии Мадхури Пурандаре (р. 1952) из г. Пуны (Махараштра), предназначенная для детей младшего возраста и нацеленная на их интеллектуальное и эстетическое развитие, построена на сюжетах из повседневной жизни с ролевыми персонажами («ребенок», «мать», «отец», «бабушка», «дедушка», «соседка» и т.д.) в окружении реальных вещей. Пурандаре сама иллюстрирует свои книги, устанавливая соответствие между словами и обозначаемыми ими предметами, которые, хотя и лишены материальной трехмерности, сохраняют практические функции в условной реальности литературного текста через связь с изображаемыми людьми, что отличает их от музейных экспонатов. Предлагая более активное участие ребенка в познании мира, Пурандаре также создает многоплановые визуальные, лишенные текстовой опоры, сюжеты, основанные на методологии Picture Reading, что подразумевает обучение ребенка описанию диалога между человеком и вещью. Вводя в картинки исчезающие из современного обихода предметы – такие, как напольный нож для резки овощей (*viṭī*) или низкую табуретку (bath stool!), используемую теперь вместо плоского камня (*āṅghoṭīcā dagaḍ*) для удобства при традиционном мытье из ведра, но уже выводимую за пределы ваннных комнат с современным оборудованием, Пурандаре дублирует функцию музея и создает хранилище исторической памяти.

Демичев К.А.,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Нижний Новгород)

Неодушевленные дипломаты: предметы европейского происхождения в контексте англо-сикхских отношений

Махараджа Ранджит Сингх (1799-1839) на протяжении 30 лет был наиболее последовательным и верным союзником британцев в Индии. Занимая стратегически важное положение на северо-западе субконтинента, держава сикхов надежно защищала подконтрольные британцам земли от всех мнимых и реальных угроз исходящих со стороны Средней Азии. Поэтому неслучайно, что между английской Ост-Индской компанией и Ранджитом Сингхом установились самые тесные дипломатические отношения.

Одним из обязательных элементов встреч и контактов, как рядовых, так и на высшем уровне, было вручение панджабскому правителю даров, выполнявших полисемантическую функцию (соблюдение ритуала встречи, знак уважения, дар как текст и подтекст в рамках конкретной ситуации и пр.). Значительную часть таких подношений составляли предметы европейского происхождения, т.е. произведенные европейцами и доставленные из Европы.

К выбору предметного ряда в составе дара британца подходили достаточно внимательно, стараясь не повторяться и стремясь сделать так, чтобы вещь вызвала интерес у Ранджита Сингха не только, как необходимые элемент системы дипломатического контакта, но и сама по себе. Вызывая заинтересованность сикхского лидера, британцы рассчитывали не только и не столько на положительные эмоции

махараджи, сколько на то, что он проникнется осознанием европейского превосходства. Впрочем, эти расчеты, в целом, не оправдались, а дальнейшая судьба предметов, выполнивших свою главную дипломатическую функцию, была совершенно различной.

Ранджит Сингх принимал дары с радостью, многое вызывало его удивление, однако, к практическому функционалу таких вещей он, как правило, относился индифферентно, как и к большинству европейских достижений, если они не касались военной сферы. Вещь, подаренная британцами, была ценна именно, как свидетельство «единения и дружбы между двумя правительствами», а не сама по себе. Демонстрация прошлых даров при новых встречах опять же являлась дружественным актом. При этом большая часть таких предметов по назначению не использовалась.

Немногочисленными исключениями являлись предметы вооружения и, прежде всего, огнестрельное оружие. Оно являлось редким даром и особенно ценилась Ранджитом Сингхом, который отлично знал, что британцы стараются не допустить его распространения. Показательно, что пару седельных пистолетов, подаренных ему генерал-губернатором лордом Амхерстом, Ранджит Сингх использовал до конца своей жизни, повсюду возя в седельных кобурах. Эти пистолеты были не только символом дружбы и доверия, но и ценным, качественным предметом, ценимым за свои практические свойства.

Демченко М.Б.,
Российский православный университет им. Св. Иоанна Богослова (Москва)

Игрушки Авадха как воплощение героев «Рамаяны»

«Рама-чарит-манаса», или «Рамаяна» Тулсидаса на протяжении нескольких веков играла ключевую роль в культуре Северной Индии. Ее персонажи и события представлялись в изобразительном искусстве, рамлилах, поэзии и музыке. Одним из видов

художественного отображения героев поэмы стала традиционная для Авадха деревянная игрушка, известная, по крайней мере, с XVI – XVII веков. Большинство игрушек – это раскрашенные деревянные фигурки небольшого размера, изображающие Раму, Ситу, членов их семьи, реже других богов (в частности, десяти аватар Вишну). Представительной коллекцией поделок располагает Ayodhya Research Institute / *Ayodhyā Śōdh Sansthān*, институт-музей, который специализируется на сборе и изучении материалов, связанных с историей и культурой Айодхьи. По словам Нилам Ахлават, президента Института, «каждая игрушка воплощает определенный *бхав* (*bhāṇ*), настроение изображаемого персонажа, соответствующую строкам из «Рамаяны» Тулсидаса, пропетым в том же самом *бхаве*» (из личной беседы, октябрь 2010 года). Следует отметить, что в североиндийском культе Рамы

бхав - не просто эмоция, а устойчивый тип взаимоотношений между персонажами, свойственный конкретным сюжетам: так, Рама, сидящий на троне в окружении придворных всегда олицетворяет «царственный» *бхав*, а находящийся в лесу вместе с Ситой – «любовный». Рассматриваемые произведения имеют смежное ритуально-игровое применение: не будучи напрямую связанными с храмовым или домашним культом божеств, они вводят играющего в мир священной поэзии и способствуют развитию у него *бхакти*, религиозного почтения к изображаемым персонажам.

Цель доклада – на основе интервьюирования современных преемников «святого поэта» и одного из вдохновителей промысла Югалананьи, жившего на рубеже XVIII и XIX вв., чей *матх* (*math*) соседствует с одним из центров производства игрушек, а также работы с материалами Ayodhya Research Institute продемонстрировать, как игрушки воплощают различные *бхавы*, иллюстрируемые, в том числе и строками средневековых поэтических памятников.

Дубянский А.М.,
Институт стран Азии и Африки МГУ (Москва)

Священный пепел: овеществление шиваитского мифа

Пепел (*bhasman*) является одним из неотъемлемых атрибутов Шивы. Его тело покрывается пеплом, взметаемым во время его танца на кремационной площадке. Адепты Шивы с древних времен в подражание ему также наносят пепел на тело. Обычно ограничиваются тремя

полосами на лбу, но аскеты, подвижники, члены некоторых сект покрывают себя пеплом целиком. Связь с Шивой делает его священным.

Как правило, пепел добывается путем сжигания сухого коровьего навоза или определенного вида древесины. Его приобретают в храмах как часть прасада (*prasād*), выдаваемого жрецами после обретения адептом даршана (*darśan*) бога.

В понимании верующего пепел обладает амбивалентной семантикой. Он естественным образом связан с огнем и, с одной стороны, является символом смерти, поскольку Шива, в соответствии со своей основной функцией в Тримурти (троебожие классического индуизма), уничтожая мир, сжигает его дотла, а, с другой стороны, жизни, поскольку аккумулирует в себе громадную заключенную в огне энергию. Поэтому, как полагают, помазание тела пеплом является акцией, способствующей накоплению внутренней энергии в организме человека. С

этим же связано употребление пепла как лекарственного снадобья.

Будучи атрибутом Шивы, священный пепел сам стал объектом культа. Нанесение его на тело сопровождается произнесением *мантр* (*mantra*). Многие шиваитские поэты-бхакты (например, Самбандар, Рамалинга Свами) не раз воспевали в гимнах божественную сущность и чудодейственную силу священного пепла.

**Железнова Н.А.,
Институт востоковедения РАН (Москва)**

Материальные репрезентанты бестелесного в дигамбарской традиции джайнизма

Поклонение (*pūjā*) образам тиртханкаров и божеств в джайнской ритуальной практике совершается двумя способами: посредством вещественных субстанций (*dravya-pūjā*) и посредством мысленного поклонения, или внутреннего медитативного сосредоточения (*bhāva-pūjā*). Первый вид характерен для тех субтрадиций джайнизма, которые в принципе признают «ортодоксальность» почитания каких бы то ни было образов – муртипуджаков, и обязателен только для мирян. Второй вид ритуальной практики присущ всем джайнским направлениям и школам и входит в перечень «ежедневных обязанностей» как мирских, так и монашествующих последователей тиртханкаров. Несмотря на проводимые мирянами храмовые обряды, члены общины отдают отчет в том, что те, кому они поклоняются во время ритуальных действий, в действительности находятся полностью за пределами мира *сансары* и не могут помочь молящимся. Никакие используемые во время пуджи предметы (*mūrti, siddhapratimā-yantra* т.д.) и вещественные субстанции (рис, орехи, сандаловая паста, благовония и т.п.), являющиеся материальными репрезентантами бестелесных атрибутов (знания, видения и др.) или сущностей (*siddha, tīrthāṅkara* и т.д.), не рассматриваются в качестве связующих объектов между различными уровнями реальности, а служат всего лишь формой напоминания благочестивым адептам о главной сотериологической цели – выходе из колеса рождений и смертей. Так, например, уникальный ритуальный предмет дигамбарской традиции, *siddhapratimā-yantra*, представляет собой изображение достигших

освобождения от кармической связанности душ в виде пустого силуэта в металлической (бронзовой и т.п.) форме, наглядно демонстрируя идею подлинного «отсутствия» связи между «вещным миром» и «миром бестелесности».

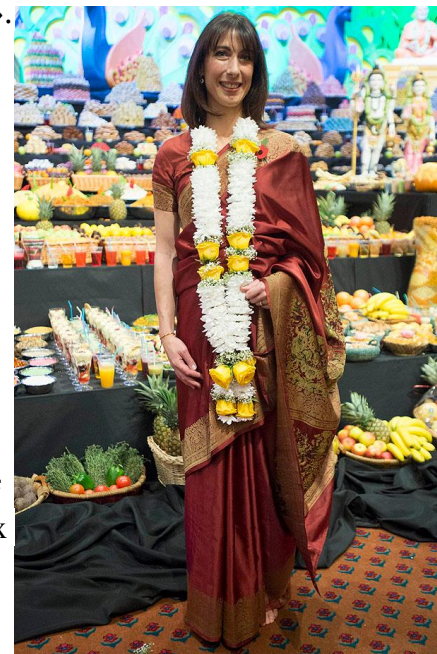
**Кузина М.А.,
Московский государственный педагогический университет**

**«Чужое» и «свое»:
индийский вещизм в языке и быте современной Великобритании**

Многие из языковых заимствований индийского происхождения принято относить к реалиям: они называют вещи и явления, «характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому» (по С.И. Влахову и С.П. Флорину). Между тем, более 130 заимствований из группы индийских языков получили настолько широкое распространение, что они регистрируются не только толковыми онлайн-словарями, но и однотомными учебными словарями. Сам факт регистрации реалии учебным словарем «дает зеленый свет» той или иной лексической единице: активное употребление в принимающей языковой среде способствует ее переходу из «чужого» в «свое». В этом отношении подгруппа предметов быта (блюда и напитки [«chai», «milligatawny», «kedgerie», «toddy»], одежда, обувь и украшения [«dhoti», «salwar/shalwar kameez», «sari»], жилье и мебель [«bungalow», «punkah»], посуда и бытовые приборы [«tandoor»]) из группы «этнографических реалий» (по терминологии Г.Д. Томахина) является весьма разноплановой. Весь пласт бытовой лексики, зафиксированной в учебных словарях издательства Лонгман (1995 и 2015 гг.), можно условно разделить на две группы: 20 слов, которые обозначают только предметы быта индийской культуры, и 32 слова, которые могут служить и для описания англо-американского быта.

В случае сохранения национально-культурного компонента реалии чаще всего употребляются только в одном (прямом) значении, не имеют производных единиц и сопровождаются в вокабуле географической характеристикой («sari» – «a long piece of cloth that you wrap around your body like a dress, worn by women from India») или комментарием о религиозной принадлежности («dhoti» – «a piece of clothing worn by some Hindu men, consisting of a piece of cloth that is wrapped around the waist and between the legs»). Несмотря на то, что в современных англоязычных СМИ данные лексемы могут употребляться без пояснений, они всегда встречаются в культурно маркированных контекстах – например, при описании празднования *дивали* в Лондоне или визитов официальных лиц в Индию, оставаясь лингвистически «чужими».

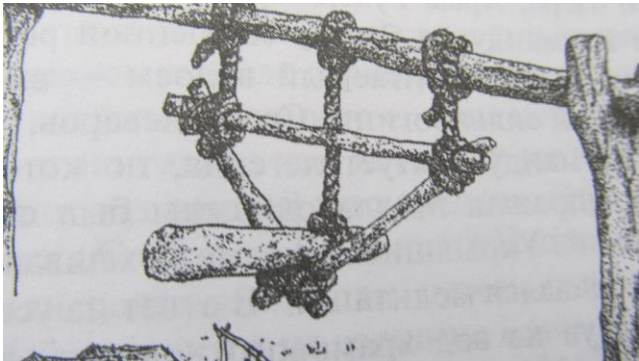
В случае «стирания» национально-культурного компонента значения слова правомерно говорить о переходе данной единицы из разряда реалий в разряд частично или полностью ассимилированных заимствований. Эти «свои» лексемы развивают переносные значения, становятся вершинами словообразовательных гнезд («chintz – chintzy, chintzily, chintziness»), не сопровождаются культурологическими пометами в словарных статьях и употребляются в разнообразных, в том числе и культурно немаркированных, контекстах.

**Марков Д.Е.,
Институт востоковедения им. А. Крымского НАН Украины (Киев)**

Социальная, политическая и религиозная символика камня (*dhuṅgo*) в традиционном Непале

Почитание камня, в том числе необработанного, – важный элемент в религии непальцев. Например, в Западном Непале культ камня распространен среди приверженцев «племенной религии», которые рассматривают его как вместилище божеств группы Мошто (имя главного божества). В храмах этой (официально индульской) традиции почитаются камни голубого или зеленого оттенков. Этот предмет материального мира также является объектом почитания и/или носителем сверхъестественных и магических свойств в индульских традициях других регионов страны, среди буддистов горных районов, а также в синкретической индульско-буддийской традиции Непальской долины. Так, таманги и гурунги (буддийский клан Гхале) отмечают связанные с камнем праздники. Во многих малых буддийских монастырях (*bahī*, *bahīl*) Непала камень хранится в качестве представителя священной мандалы (*guphā manda*). Камень также воспринимается как «вместилище» важных богинь Аштаматрика (*Aṣṭamātrkā*), покровительниц трона, охраняющих Непал-мандалу (т.е. Непальскую долину и некоторые территории вокруг нее), т.е. он обладает и пространственно-сакрально-политической символикой, поэтому «вместилища»-камни хранятся в храмах и святилищах по краям Непальской долины. Буддисты также почитают естественные

отроги скал, выходящие наружу (на территории комплекса ступы Сваямбхунатх; в Гум-Баха в г. Санкху, где камню частично приданы черты ступы с возведенной над ним пагодой).

Камень отождествляется с источником власти, а человек, способный метать его далеко или расколоть при помощи *кхукуру* (*khukurī*, традиционное оружие горцев Непала), наделяется особой силой и властным потенциалом, как это происходит среди тамангов и гурунгов. Ряд легенд и преданий Непала так же указывают на глубинную, в том числе мистическую связь между тантрическим божеством/богиней, оружием и государем и камнем. Ассоциации камня с властью, монархией и священным государством не случайны. Несмотря на то, что единого культа камня в Непале не существовало, в эпоху формирования единого королевства проявляется ранняя государственная идеология с

омонимичным наименованием *дхунго*.

Так можно проследить, как явление материального мира, камень, становится в традиционном Непале в некотором смысле «проявлением», «вместилищем» и основой различных идей и идеологий, религиозных, политических, социальных и пространственных представлений.

Сидорова С.Е.,

Институт востоковедения РАН (Москва)

Инструментарий обмеров:

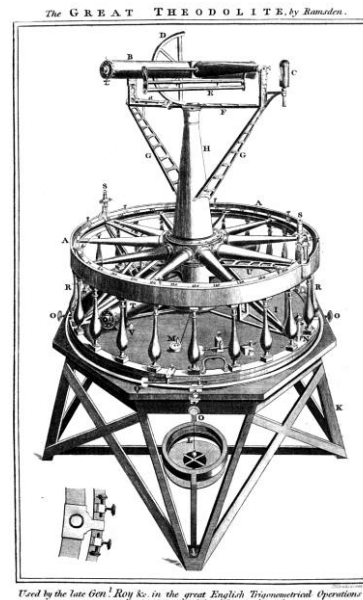
по Центральной Индии с компасом, шагомером и секстантом

Приступая в 1787 г. по заданию Топографической службы Индии к астрономическому исследованию для определения местоположения некоторых населенных пунктов, Рубен Барроу, британский математик и морской сюрвейер, приобрел секстант с радиусом 6 дюймов производства Троутона, два хронометра Арнольда – один старый и без недавних усовершенствований, второй очень хороший, барометр, термометр и астрономический квадрант, изготовленный капитаном Ритчи. Последний, впрочем, был деревянным и имел несовершенную конструкцию, поэтому измерял со столь большими ошибками, что был почти бесполезен.

Процесс колонизации Индии был длительным и происходил разными способами. Наряду с военно-дипломатическими мероприятиями британцы интенсивно наращивали знания о землях Индостана. Воспринимая их как своего рода емкость, наполненную материальными объектами, имеющими размеры и точное местоположение относительно друг друга, они предложили новый, основанный на европеизированном научном и рациональном подходе квантификации, схематизации и картирования. Для измерительные приборы, которые постоянно географическим и климатическим условиям информация записывались чернилами на бумаге, журналов наблюдений, отчетов и курсировала между Индией и Англией. На основе этих бумаг создавалась отчеты, энциклопедии, справочники.

То есть еще до того, как британцы реально реальности, они запустили процесс их «заочной» узнавания. Начиная со второй половины XVIII в. на пеших путников стали передвигаться диковинные для местных жителей словами и знаками листы, культуру чужеземцев. Именно эти вещи среди прочих формализации связей между знанием и пространством в Индостане.

Сообщение посвящено экипировке сюрвейеров в ходе топографического и тригонометрического обследования Центральной Индии во второй половине XVIII–первой трети XIX вв.

способ освоения и изучения территории путем его этого в Индию ввозились самого разного толка усовершенствовались и адаптировались к полуострова. Собранные сведения, данные, которая принимала форму писем, дневников, различными точками внутри Индии, а также между другая бумажная продукция: карты, сводные

обосновались на этих землях, не «владея» ими в колонизации и апроприации через процесс лошадях, слонах, верблюдах, в паланкинах, в руках предметы — приборы и исписанные непонятными которые начали формировать материальную других стали функционально важными для и материализации властного потенциала британцев

**Сидорова С.Е.,
Институт востоковедения РАН (Москва)**

Тачка вместо тюрбана: индийские луддиты в английском саду

Название доклада отсылает к эпизоду из мемуаров Эмили Эггар, жены колониального чиновника, которая, отправив своего садовника за покупкой тачки и еще нескольких вещей, с изумлением обнаружила процессию *кули*, каждый из которых нес по одному предмету, а шествовавший впереди садовник водрузил перевернутую тачку на собственную голову.

Одной из характерных черт колониального обоснованный практицизм, что на деле выливалось в современных технологий и сопутствующего им приборов, оборудования) с целью повысить уровень труда. Тачка является собирательным образом навязываемого владельцами прибухгалтерских участков ими принимаемого, а часто и вовсе отвергаемого или технологические новинки, которые при должны были демонстрировать достижения и контексте (условно «на голове») приобретали гротескный вид и наделяли саму эту цивилизацию чертами комичности, порождая у колониальных подданных сомнения в ее величии. Для британцев же бесполезные в руках индийцев инструменты становились основанием считать своих слуг ленивыми и нерадивыми и нередко переносить эту характеристику на весь подчиненный народ.

администрирования Индии был научно активное внедрение на всех уровнях жизни материального обеспечения (инструментов, производства и рационализировать процесс европейского садового инвентаря, рьяно своим слугам-садовникам и не всегда охотно употребляемого для иных целей. В результате использовании по прямому назначению прогресс европейской цивилизации, в другом

Источниками для доклада являются руководства, энциклопедии, справочники по садоводству, выходившие в Британской Индии во 2-й половине XIX в., и мемуары, в которых хозяева садов описывали конкретные сцены из жизни. Анализ этих текстов позволяет через отношение к орудиям труда различных участников растениеводческого процесса выявить механизм столкновения (навязывание↔отторжение) двух материальных (в данном случае садоводческих) культур, каждая из которых была отягощена представлениями/«идеями» о практичности, рационализме, выгоде, благополучии и т.д. И каждая экспонировала одни и те же инструменты по-своему, выявляя их, порой неожиданные, функции и свойства, и даже присваивая характеристики неодушевленных предметов отдельным людям и социальным сообществам и группам.

**Суворова А.А.,
Институт востоковедения РАН (Москва)**

Дупатта как символ скромности и аксессуар моды

Dupatta (*dūpaṭṭā*), букв. «две полосы ткани», длинный многофункциональный шарф, являющийся частью традиционного женского костюма в Индии, Пакистане и Бангладеш. В конфессиональном отношении *dupatta* нейтральна – ее носят как мусульманки с костюмом типа «шальвар-камиз» и «гарара», так и индуски и сикхские женщины с костюмом типа «лехенга-чоли» и «чуридар-курта».

В зависимости от ситуации и длины *dupatta* прикрывает голову, плечи и всю фигуру женщины, изначально являясь символом женской скромности. В этих случаях она играет роль традиционного «оберегающего», в моральном отношении, покрывала (*cādar*), использование которого предписывают женщине все авраамические религии и общества, принадлежащие к так называемой «культуре стыда».

Широко распространено заблуждение, связывающее начало ношения *dupatty* с мусульманским проникновением в Южную Азию. Традиция прикрывать лицо и голову полупрозрачным покрывалом или его концом (*ghūngat'* от санскритского слова अवगुच्छन्) существовала у замужних женщин еще в древней Индии, хотя и не была санкционирована религией.

Кроме того, происхождение шарфа-накидки возводят к культуре Мохенджо-Даро. На известной скульптуре жреца, датированной 2 700 годом до н. э., левое плечо покрыто драпированной тканью с вышитыми или напечатанными узорами трилистника. Таким же образом носят *dupatty* и сегодня. До появления мусульман в Индии предметы одежды не были сшитыми и носились драпированными или связанными на теле. Поэтому происхождение *dupatty* следует искать в несшитых покрывалах, сари, лунги и другой традиционной одежде домусульманского периода.

В наши дни *dupatta* является важным модным аксессуаром и неотъемлемой частью как праздничного, так и повседневного костюма. Манера носить *dupatty* и ткань, из которой она сделана (хлопок, кисея, шифон, жоржет, шелк), определяет разные модные стили, например, винтажный («костюм Анаркали»), фольклорный («Ма Кали чунри») и авангардный минимализм.